

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова

ИЛИ РАН, ИРЯ РАН

1. Введение

В работе будут рассмотрены текстовые данные по дифференцированному маркированию прямого объекта в нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский край). На первый взгляд, система дифференцированного маркирования объекта в нанайском устроена достаточно просто и вполне вписывается в типологические ожидания: прямой объект либо маркируется специализированным падежом, либо остается немаркированным, выбор зависит от характеристик объекта (его положения на «шкале одушевленности»). Существуют, однако, три момента, требующие уточнения. 1) Жестких правил выбора между двумя стратегиями нет: в большинстве случаев можно говорить лишь о частотных тенденциях в оформлении того или иного типа объекта тем или иным образом и, возможно, о влиянии более чем одного фактора. До конца не известно, какие именно характеристики объекта и в какой степени предрасполагают к выбору маркированной/немаркированной стратегии (одушевленность, определенность, число и др.), это требует не производившейся ранее проверки на текстовом материале. 2) В имеющихся описаниях делалось утверждение о диахронической тенденции к постепенному вытеснению немаркированной стратегии и о крайней ее маргинальности в современном нанайском языке, что также требует эмпирической проверки. 3) И, наконец, еще одна проблема, в связи с которой может быть интересен нанайский материал по дифференцированному маркированию объекта, состоит в том, что на поверхностном уровне маркированная форма аккумулятива и

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-3158.2017.6.

немаркированная форма в значительном числе контекстов фонетически исключительно похожи и с трудом различимы.

1.1. Общие сведения о маркировании прямого объекта в нанайском языке

Система оформления прямого объекта в нанайском языке устроена следующим образом. Существительное может принимать специализированный показатель аккузатива *-wA/-bA*, как в (1), или оставаться немаркированным, как в (2). Та же немаркированная форма используется для выражения субъекта, и потому ниже она будет называться «номинативом».

- (1) *žele-wa* *pujū-ri-či=guə*
 голова-ACC варить-PRS-3PL=PL
 ‘И голову варят...’ (lkb_110822_ns_Муху.034) — аккузатив
- (2) *žele* *pujū-ri* *kəsi* *gəl-i*
 голова варить-PRS счастье искать-PRS
 ‘Голову варят, удачи просят...’ (текст, Синда, 2011 г.) — номинатив

Жестких правил, регулирующих выбор между этими двумя формами, нет: практически во всех случаях, как кажется, на месте номинатива в объектной позиции может быть употреблен аккузатив и наоборот (немногочисленные исключения, касающиеся оформления личных местоимений и существительных с рефлексивным показателем, см. ниже). В типологических терминах систему DOM в нанайском языке можно, таким образом, охарактеризовать как асимметричную нежесткую (fluid), см. [de Hoop, Malchukov 2007]; [Malchukov, de Swarts 2009: 341–342; 345–347].

Наряду с аккузативом и неоформленной основой (номинативом), в позиции объекта при переходном глаголе может выступать существительное с показателем дестинатива (назначительного падежа) *-gO* (3). Контексты употребления дестинатива легко отграничиваются от контекстов употребления аккузатива и номинатива, они описаны в [Аврорин 1948: 202–223] и далее рассматриваться не будут.

- (3) *tyj* *tapa* *n'oanči* *pokto-go-a-či* *aŋgo-j-ni*
 тот старик 3PL дорога-DEST-OBL-3PL делать-PRS-3OBL
 ‘Тот старик сделал им тропу’. (текст 38 [Аврорин 1986])

1.2. Данные имеющихся описаний

Употребление номинатива в функции прямого объекта в нанайском языке было достаточно подробно описано в синтаксическом очерке В. А. Аврорина [Аврорин 1948: 223–233] (см. также более сжатое описание в грамматике [Аврорин 1961]). По свидетельству В. А. Аврорина, форма номинатива в функции прямого объекта: 1) крайне редка; 2) постепенно выходит из употребления. Ср. следующую цитату: «...буквально на наших глазах происходит резкое сужение возможностей выражения прямого дополнения именительным падежом...» [Аврорин 1948: 229]. Также утверждается, что она 3) связана с типом текста: чаще используется в устной речи и 4) регулируется «нормой»: избегается в текстах на «литературном нанайском». Ср.: «...Эта норма отразила ту цель, к которой постепенно приближается нанайский язык в области выражения прямого дополнения — полное вытеснение формы именительного падежа из круга морфологических средств, призванных выражать эту синтаксическую категорию» [Там же: 230]. Ср. подсчеты В. А. Аврорина, приводимые им в подтверждение этих утверждений, в Таблице 1:

Таблица 1. Подсчеты В. А. Аврорина
по текстам разных типов и разного времени [Аврорин 1948: 229–230]

тексты	ACC	NOM
литература 1940-х гг. (худ. лит, переводы)	>>	«едва ли десяток» на 70-80 п.л.
Петрова 1929 (обработанные фольклорные записи)	>>	ок. 30 примеров на 1 п.л.
гольдская азбука Прото- дьяконова (1885): бытовые фразы, короткие тексты	26 (из них 6 — местоимения)	24
фольклорные записи Протодьяконова (1896)	131	82
фольклорные записи Добролов- ского (1903, сунг., 400 слов)	15	14

Здесь следует отметить, что а) основной задачей В. А. Аврорина является как раз описание нормативного, «литературного нанайского»; б) ориентируется он в основном на письменные литературные тексты, а не на устные (и потому проблема конкурен-

ции винительного и именительного падежа для него оказывается периферийной и, возможно, отчасти преуменьшенной).

Из семантических факторов, отвечающих за выбор формы прямого объекта, В. А. Аврорин упоминает *определенность*. Ср.: «В нанайском языке именительный падеж оформляет прямое дополнение, пожалуй, несколько чаще в тех случаях, когда прямой объект мыслится недостаточно определенным» [Там же: 232].

1.3. DOM в близкородственных языках

Система дифференцированного маркирования объекта также достаточно детально описана для близкородственного нанайскому удэгейского языка (входящего наряду с нанайским в группу южных тунгусо-маньчжурских языков), для которого можно ожидать в этой области значительного сходства с нанайским. В удэгейском языке прямое дополнение также может быть выражено формой аккузатива (*-wA/-mA*) или немаркированной формой номинатива. В подробной грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 119–123] приводятся три группы факторов, отвечающих за выбор между ними.

1) Фонетические факторы. Форма номинатива предпочитается, если слово заканчивается на гласные *-o*, *-u*, на *-wA*, *-fA*; или если следующее слово начинается на *wa-*.

2) Семантические, синтаксические, коммуникативные факторы (больше проявляющиеся в северном диалекте, чем в южном). Форма номинатива предпочитается: при нереферентном / генерическом прочтении; если существительное неисчисляемое; если прямое дополнение вводит нового участника; при императиве; в зависимой клаузе (даже если участник определенный); также показатель аккузатива иногда опускается на пациентивном / тематическом участнике в пассивных конструкциях. Топикализованный объект всегда оформляется аккузативом.

В северных тунгусо-маньчжурских языках также имеется система DOM, однако она устроена несколько иначе, чем в южных. В них наблюдается конкуренция «винительного определенного» *-bA*, *-wA* и «винительного неопределенного» *-jA* (отсутствующего в нанайском). Вкратце приведем правила употребления винительного неопределенного на примере эвенкийского языка, по описаниям [Bulatova, Grenoble 1999: 8–9; Константинова 1964; Колесникова 1966: 161; Болдырев 2007: 181]. Винительный неоп-

ределенный выбирается: а) при первом упоминании объекта; б) при обозначении отрезка времени, в течение которого длится действие, при обозначении пространственных и количественных измерений и в качестве зависимого при слове *ачин* ‘без’; в) при обозначении предмета, который предназначается определенному лицу (с притяжательным показателем); г) при обозначении объекта, подвергающегося действию лишь частично (‘отрежь хлеба’); д) при императиве, будущем времени или отрицании².

Обзор гипотез об этимологии и диахроническом развитии винительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках, интересных в контексте разговора о DOM, однако прямого отношения к проблемам, рассматриваемым ниже, не имеющих, см. в [Суник 1982: 192–210] (см. также приводимые там ссылки).

1.4. Материал и задачи исследования

Материалом исследования послужила выборка современных спонтанных устных текстов разных жанров, собранных авторами в 2009–2013 гг. В разных подсчетах использовалась либо эта выборка целиком (ок. 12 тыс. слов — «большая выборка»), либо ее часть (ок. 4,5 тыс. слов — «малая выборка»). Тексты, вошедшие в выборку, принадлежат к разным говорам (в основном найхинскому, в меньшем количестве горинскому, несколько текстов — на джуенском говоре). На первый взгляд, различий между говорами в рассматриваемой области не наблюдается, однако это требует дополнительной проверки. В подсчеты, представленные ниже, (если не оговорено обратное) входили только существительные, не в «возвратном склонении» (см. ниже раздел 2.1) и без посессивного маркера.

Конкретными задачами исследования, таким образом, были: 1) верификация и уточнение приведенных выше данных В. А. Аврорина на материале а) *современных*, б) *спонтанных устных текстов*; 2) описание и количественная оценка факторов, влияющих

² В [Василевич 1948] упоминаются, помимо этого, и случаи употребления в позиции прямого объекта неоформленной основы (как в южных тунгусо-маньчжурских), нехарактерные для литературного языка, но возможные (или бывшие возможными в более ранних текстах, на которые опирается автор) в устной речи. Выражаем благодарность анонимному рецензенту, обратившему на это наше внимание.

на выбор формы прямого объекта, см. раздел 2. В разделе 3 результаты проведенного исследования обсуждаются в контексте проблемы формального разграничения номинатива и аккузатива. В разделе 4 они обобщаются с учетом оговорок, сделанных в разделе 3. В разделе 5 кратко обсуждается наличие/отсутствие дифференцированного маркирования в позициях с неоднозначным синтаксическим статусом.

2. Характеристики прямого объекта, коррелирующие с выбором падежной формы

В этом разделе в деталях рассматриваются правила, определяющие выбор формы аккузатива/номинатива в объектной позиции. В разделе 2.1 кратко описаны немногочисленные случаи, регулируемые жесткими правилами, в разделе 2.2 выявляется набор факторов, располагающих к выбору аккузатива или номинатива в случае их свободного варьирования. На выборке современных устных текстов проверено несколько параметров, связанных с положением объекта на «шкале одушевленности» [Silverstein 1976] или «индивидуализации» [Hopper, Thompson 1980]. Исходя из данных В. А. Аврорина и данных близкородственного удэгейского языка, можно предполагать, что нанайский относится к тому распространенному типу языков, в которых дифференцированное маркирование актантов регулируется в первую очередь такого рода параметрами.

2.1. Случаи, регулируемые жесткими правилами

Для начала перечислим немногочисленные случаи, в которых обязательно употребление аккузативной либо номинативной формы.

А. Личные местоимения — аккузатив.

Личные местоимения в позиции прямого объекта, в отличие от существительных, выступают исключительно в форме аккузатива. Форма аккузатива в данном случае отличается от формы номинатива, используемой в субъектной позиции, не только наличием соответствующего аффикса, но и типом основы, ср.:

- (4) *mi* ‘я’ *mimbi-wə* ‘меня’
si ‘ты’ *simbi-wə* ‘тебя’
n'oani ‘он/она’ *n'oam-ba-ni* ‘его/ее’

Выделенное положение личных местоимений типологически ожидаемо: личные местоимения — полюс «шкалы одушевленности». Ср., например, похожую ситуацию в системе DOM в румынском языке, описываемую в [Farkas 1978] (цит. по [Aissen 2003]).

Б. Контекст рефлексивного посессивного суффикса ('свой X') — немаркированная форма.

Существительное, оформленное рефлексивным посессивным суффиксом *-i/-bi* (SG), *-Ari/wAri/-bAri* (PL), т. н. «возвратное склонение» ('свой X'), наоборот, никогда не принимает в позиции прямого дополнения показателя аккузатива, ср.:

- (5) *purig-bi* *kăkčă-mi*
дети-REFL.OBL предохранять-CVB.SIM.OBL
dăru-xă-ni
начинать-PST-3OBL
'Он начал предохранять своих детей'. (текст 38 [Аврорин 1986])

В свете типологических представлений о корреляции маркированности объекта и его положения на референциальной шкале это, на первый взгляд, может показаться более неожиданным: в рефлексивном контексте выступает объект с высокой степенью индивидуализации, для которого ожидался бы скорее, наоборот, аккузатив.

Наблюдаемая картина, однако, имеет сразу два очевидных объяснения. Первое объяснение диахроническое: исторически сам возвратный суффикс (употребляемый в сочетании со всеми падежными аффиксами, кроме аффикса аккузатива) содержит в себе показатель аккузатива, см. [Суник 1982: 206]. Это на синхронном уровне незаметно в формах ед. ч., однако отчетливо видно в формах мн. ч. *-Ari/-wAri/-bAri*. Второе объяснение, функциональное, апеллирует к принципу экономии. Имя, оформленное возвратным показателем, по понятным причинам не может выступать в субъектной позиции, поэтому в языке есть возможность зарезервировать «невостребованную» и при этом морфологически более простую форму за объектной позицией. Это позволяет объяснить отсутствие на синхронном уровне показателя аккузатива в возвратных формах ед. ч.

В. Контекст посессивного аффикса 1 лица ед. ч. ('мой X') —
аккузатив.

С описанным выше абсолютным правилом об употреблении немаркированной формы в контексте рефлексива связана жесткая тенденция к употреблению аккузатива в контексте посессивного показателя 1 лица ед.ч. ('мой X'), упоминаемая в [Аврорин 1959: 175] и подтверждающаяся на нашем материале.

- (6) *atem-bi-a* *Sekač=Alean bāro-ni*
отец-1OBL-ACC Сикачи-Алян к-3OBL
əni-əŋ-ki-č=go *председателем колхоза*
выходить-CAUS-PST-3PL=PL
'...моего отца отправили в Сикачи-Алян председателем колхоза'. (текст, Найхин, 2009 г.)

Дело в том, что, как видно из примера (6), показатель 1 лица ед.ч. формально совпадает с показателем посессивного рефлексива ед.ч. (*-il/-bi*). Таким образом, использование формы номинатива 1 л. ед.ч. в объектной позиции приводило бы к омонимии с рефлексивной формой. Отметим, что объект, оформленный показателем 1 лица, имеет высокий статус на референциальной шкале, так что этот запрет, возникающий по внутриязыковым причинам, не противоречит и ожидаемой семантической тенденции.

Запрет на употребление номинатива в контексте 1 л. ед. ч., однако, не абсолютен: в нашей выборке нашелся один контрпример, (7)³:

- (7) *atem-bi* *wā-xa* *amba* *amba*
отец-1OBL убить-PST злой.дух злой.дух
'Моего отца убил черт'. (текст, Найхин, 2012 г.)

2.2. Тенденции: общие данные

Обратимся теперь к значительно более многочисленным случаям, когда аккузатив и номинатив в объектной позиции функционируют как свободные варианты. Вопреки предсказаниям В. А. Аврорина (см. раздел 1.2), формы номинатива в современных текстах составляют более половины употреблений существительных в позиции прямого объекта, см. Таблицу 2.

³ Возможно, употребление (7) поддерживается фонетическими факторами (контекстом глагола на *wa-*, см. ниже).

Таблица 2. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
общие данные (существительное)

	ACC	NOM
малая выборка*	83	91

* только существительные, не возвратное склонение,
без посессивных показателей

Ниже проверяются следующие параметры, которые, как кажется, могут влиять на выбор формы аккузатива/номинатива:

- референциальный статус (определенный/неопределенный/нереферентный);
- одушевленность, личность;
- число (оформлено / не оформлено);
- коммуникативный статус (топикальность).

Следует иметь в виду, что список потенциально релевантных факторов не исчерпывается перечисленными и описание, приводимое в настоящей статье, далеко от полного. Так, например, сознательно оставлены за скобками все употребления, в которых существительное было оформлено посессивным маркером (от этой группы, в силу корреляции с определенным референциальным статусом объекта, можно ожидать особого поведения).

2.2.1. *Референциальный статус.* Исходя из типологических представлений о дифференцированном маркировании объекта и данных В. А. Аврорина, можно ожидать корреляции с референциальным статусом, в т. ч. с определенностью: для существительных с более высоким референциальным статусом ожидается большая склонность к аккузативу. См. шкалу из [Aissen 2003]:

- (8) Definite NP > Indefinite specific NP > Non-specific NP
Marked (ACC) > Non-marked (NOM)

Грамматикализованных средств выражения референциального статуса в нанайском языке нет, поэтому в качестве диагностических контекстов были выбраны следующие:

- контекст неопределенного местоимения (*эм* ‘один, какой-то’) — неопределенная ИГ (9);
- контекст указательных местоимений (*тај* ‘тот’, *ај* ‘этот’) — определенная ИГ (10);
- контекст существительного с преимущественно неререферентным прочтением (*sogdata* ‘рыба’, *sogdata(wa) wā-* ‘рыбачить, букв.: убивать рыбу’) — неререферентная ИГ (11).

- (9) *ənə-miə* *ənə-miə=təni* *əm žo*
идти-CVB.SIM.OBL идти-CVB.SIM.OBL=a один дом
bā-xa-ni
находить-PST-3OBL
‘Так он шел-шел и один дом нашел’. (текст, Даерга, 2009 г.)
- (10) *i dān'a=tani təj enda-wa pāče-li-ni=go*
и бабушка=a тот собака-ACC ударять-PFV.PRS-3OBL=PL
‘И бабушка этих собак погоняет (букв. ударяет)’.
(lkb_110822_ns_Muxu.063)
- (11) *amā=da žobo-j sogdata wā-ri*
отец=PL.EMPH работать-PRS рыба убить-PRS
‘А отец работал, рыбу ловил’. (текст, Даерга, 2011 г.)

Результат проверки представлен в Таблицах 3–5.

Данные Таблиц 3 и 4 показывают значимое различие между определенными и неопределенными ИГ: определенные ожидаемым образом тяготеют к оформлению аккузативом. В Таблице 3 представлены данные по диагностическим контекстам неопределенного и указательных местоимений на большой выборке, в Таблице 4 — уточняющие данные малой выборки: данные по всем именованным группам в позиции прямого объекта.

Таблица 3. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
контекст местоимений (большая выборка)

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
неопределенное <i>əm</i> ‘один, какой-то’	4	11	
указательные <i>təj (tə)</i> ‘тот’ и <i>əj</i> ‘этот’	50	32	значимо, p=0,022

Таблица 4. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
определенность (малая выборка, ручной просмотр)

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
неопределенное и нереферентное	56	74	
определенное	27	17	p=0,036

Вопрос о том, проходит ли дополнительная граница между неопределенными референтными и нереферентными объектами, требует более детального исследования. Чтобы оценить это хотя бы приблизительно, мы рассмотрели употребления существительного *sogdata* ‘рыба’, для которого нереферентная интерпретация прагматически особенно востребована (и которое при этом достаточно частотно в нашей выборке).

Таблица 5. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта: существительное с преимущественно нереферентным прочтением

	ACC	ACC — примечание	NOM	NOM — примечание
<i>sogdata</i> ‘рыба’	3	2 неопр. (<i>ətu-</i> ‘охранять’, <i>bī-</i> ‘давать’), 1 опр. — <i>gažo-</i> ‘приносить’	15	10 нереферентное <i>sogdata wā-</i> ‘рыбачить’ (9), <i>sogdata gələ-ndə-</i> ‘ездить за рыбой’ (1); 5 — неопр. (<i>əgži</i>) <i>wā-</i> ‘(много) ловить’ (3), <i>puji-</i> ‘варить’, <i>ətu-</i> ‘охранять’

Таблица 5 показывает, что для этого существительного действительно очень отчетливо преобладает номинатив. Отметим, однако, что, помимо нереферентности существительного, этому дополнительно может способствовать фонетический фактор: основной нереферентный контекст — это контекст *sogdata(wa) wā-* ‘ловить рыбу’ с начальным *wa-* в глаголе, см. ниже.

2.2.2. *Одушевленность*. Еще одна точка на шкале Сильверстейна, по которой может проходить граница при дифференцированном маркировании объекта, это — одушевленность/неодушевленность или личность/неличность объекта (см., например, [Malchukov 2008]).

Для нанайского языка этот параметр оказывается нерелевантным: данные Таблицы 6 показывают, что значимой разницы ни между личными/неличными, ни между одушевленными/неодушевленными существительными не наблюдается.

Таблица 6. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
одушевленность, личность (малая выборка)

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
личные	10	9	
неличные	73	82	p=0,8085
одушевленные	33	36	
неодушевленные	50	55	p=1

2.2.3. *Число*. В качестве отдельного параметра было также рассмотрено число существительных. Множественное число в нанайском языке маркируется факультативно (ср. (12) и (13)), причем выбор между маркированной и немаркированной формой определяется, как и в случае дифференцированного маркирования объекта, референциальными характеристиками имени (хотя и не только, см. о маркировании числа [Аврорин 1959: 139–141]). В связи с этим интересно было дополнительно проверить, коррелирует ли наличие аффикса множественного числа на прямом объекте с наличием на нем аккузативного маркера.

(12) *kăči wā-o-r aso ərdəŋgə bi-ə-si*
сазан убить-IMPS-PRS не.очень интересный быть-NEG-PRS
‘Сазанов же не очень интересно ловить’. (текст, Найхин, 2009 г.)

(13) *laxa-sal-ba kăči-sal-bə taonžoan dāi*
сом-PL-ACC сазан-PL-ACC толстолоб большой
taonžoan-sal-ba čawa era-j=goan' bāza bāro-ni
толстолоб-PL-ACC этот.ACC нести-PRS=PL база к-3OBL
‘Сомов, сазанов, толстолобов... больших толстолобов...
это... относим на базу’. (текст, Найхин, 2009 г.)

Как показано в Таблице 7, собственно с семантикой числа выбор формы прямого объекта не коррелирует:

Таблица 7. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
число (малая выборка)

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
группа с семантикой мн.ч. (на -sal или неоформл.)	35	46	
группа с семантикой ед.ч.	48	40	p=0,167

С наличием же на существительном с семантикой множественного числа специализированного показателя множественного числа корреляция есть, см. Таблицу 8.

Таблица 8. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта: оформленное / неоформленное множественное число (малая выборка)

	ACC	NOM	р, точный критерий Фишера
мн.ч. на <i>-sal</i>	12	6	
мн.ч. не на <i>-sal</i>	23	45	p=0,016

Интерпретация этого факта, однако, усложняется возможным дополнительным влиянием фонетического фактора (аффикс мн. ч. оканчивается на согласный, см. подробнее раздел 3).

2.2.4. *Коммуникативный статус.* Ниже рассматриваются две характеристики, связанные с коммуникативным статусом прямого объекта. Известно, что топиальная позиция может способствовать выбору маркированной формы прямого объекта (см., например, [Iemmo 2010] о романских и некоторых других языках, в которых топиальность релевантна при DOM). Для нанайского языка этот фактор кажется потенциально релевантным еще и потому, что он упоминается как один из факторов, регулирующих DOM в родственном нанайскому удэгейском языке, см. раздел 1.3.

2.2.4.1. *Контекст эмфатических частиц-энклитик.* В нанайском языке есть две частицы-энклитики с пересекающимся набором функций, но разным коммуникативным поведением: это координативная частица =*tani* ‘и, а’ и эмфатическая частица =*da* ‘и, же, даже’, см. описание их семантики в грамматике [Аврорин 1961: 264–268], об «аддитивных» показателях с похожим спектром употреблений см. также [Forker 2016]. Частица =*tani* маркирует тему (14), частица =*da* к определенному коммуникативному статусу не привязана (ср. топик контраста в (15) и рему в (16)).

- (14) *təj nekan-sal=tani xon' ulə nekan-sal bi-č'i*
 тот китаец-PL=a как хороший китаец-PL быть-PST
 ‘{У нас китаец жил.} А те китайцы [в т. ч. китаец, упомянутый в предтексте], такие хорошие китайцы были’. (текст, Дапра, 2011 г.)

- (15) *anī=dā žog-du bi-i*
 мать=PL.EMPH дом-DAT быть-PRS
 ‘{Отец охотился.} Мама **же** дома была...’ (текст, Даерга, 2011 г.)
- (16) *dujə-lə=təni bōkto=da balži-i*
 далеко.от.берега-LOC=a кедровый.орех=PL.EMPH жить-PRS
opokta=da balži-i
 боярышник=PL.EMPH жить-PRS
 ‘В лесу **и** орехи растут. **И** боярышник растет’. (текст, Синда, 2011 г.)

Таблица 9 показывает, что, несмотря на семантическое сходство, с точки зрения влияния на выбор кодирования прямого объекта они ведут себя по-разному: заметное преобладание аккузативного маркирования наблюдается для топикализатора =*tani*, но не для нейтрального по отношению к коммуникативной структуре =*da*.

Таблица 9. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
 контекст энклитик

	ACC	NOM	
частица = <i>tani</i>	41	12 (23%)	большая выборка
без = <i>tani</i>	78	88 (53%)	малая выборка
частица = <i>da</i>	14	12 (46%)	большая выборка
без = <i>da</i>	75	82 (52%)	малая выборка

2.2.4.2. *Постпозиция прямого объекта.* В качестве второго диагностического теста, призванного проверить связь стратегии кодирования прямого объекта с топикальностью, был выбран порядок слов с постпозицией прямого объекта (SVO). Нейтральный порядок слов в нанайском языке SOV. Порядок слов SVO может возникать вследствие топикализации прямого объекта, ср. (17). Вследствие этого для постпозитивного объекта можно было бы ожидать значимого преобладания аккузативного маркирования. Такая ситуация, по свидетельству [Nikolaeva, Tolskaya 2001], наблюдается в удэгейском языке. Нанайские данные, однако, подобной корреляции не выявляют, см. Таблицу 10.

Таблица 10. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта:
постпозиция (малая выборка)

	ACC	NOM	
постпозиция DO	8	11 (58%)	ns, p=0,6356 (точный тест Фишера)
не постпозиция	75	80 (52%)	

Дело, видимо, в том, что постпозиция прямого объекта возникает не только в том случае, когда она связана с его тематическим статусом, но также и по другим причинам, например в пояснительной конструкции с выносом, которая (как показывают примеры (18) и (19)) не привязана к коммуникативной позиции объекта.

- (17) *xət ičə-ži-č'i təj toxala-wa*
 все видеть-RES.PRS-3PL тот глина-ACC
 {Туда-сюда эту глину из рук в руки друг другу передают,}
 'и все смотрят на эту глину'. (текст, Найхин, 2009 г.)
- (18) *təj=təni nuč'i naonžokam=təni ase-ni=təni*
 тот=а маленький мальчик=а жена-3OBL=а
goj naj-ži bā-xa-ni təj piktə
 другой человек-INS находить-PST-3OBL тот ребенок
 'А этого мальчика жена родила от другого человека, того ребенка'. (текст, Найхин, 2012 г.) — тема
- (19) *buə=təni ča-du žuər taonžoam-ba wā-xa-p*
 1PL=а этот-DAT два толстолоб-ACC убить-PST-1PL
dāi taonžoam-ba
 большой толстолоб-ACC
 'А мы тогда двух толстолобов поймали, больших толстолобов'. (текст, Найхин, 2009 г.) — рема

3. Проблема разграничения формы аккузатива vs. номинатива и действие фонетических факторов

Исследование дифференцированного маркирования объекта в нанайском языке осложняется следующей проблемой: в значительном числе контекстов формы аккузатива и номинатива фонетически слаборазличимы.

3.1. Типы основ и редукция аккузативной формы

В нанайском языке имеется три морфонологических типа основ: 1) основы на (неносовой) гласный (это самый многочисленный тип), 2) основы на согласный, кроме *-n* (корней на согласный очень мало, но на согласный оканчивается показатель мн. ч. *-sal*), 3) основы на носовой гласный или *-n*⁴.

Суффикс аккузатива реализуется как: а) *-wa*~*-wə* после основ на гласный (20а, б); б) *-ba* ~ *-bə* после основ на согласный и носовой гласный или *-n* (20в); основы на носовой гласный или *-n* перед ним имеют (регулярную в нанайской фонетике) мену *n > m* (20г).

- (20) а. *žele-wa* б. *əniə-wə*
 голова-ACC мать-ACC
 в. *nekan-sal-ba* г. *bəjum-bə* (ср. номинатив *bəjum*)
 китаец-PL-ACC лось-ACC

При этом в устной речи суффикс аккузатива может редуцироваться: а) после основ на гласный до *-a*~*-ə*; б) до рефлекса *-m* в основах на носовой гласный или *-n* (21):

- (21) а. ред. *žo-a* полн. *žo-wa* ном. *žo*
 дом-ACC дом-ACC дом
 б. ред. *žexa-kam* полн. *žexa-kam-ba* ном. *žexa-kan*
 деньги-DIM деньги-DIM-ACC деньги-DIM

Описанные факты частичной редукции позволяют предположить, что показатель аккузатива в речи может и полностью редуцироваться (*žo-wa > žo-a*, *žo*, *žosal-ba > žosal*), из-за чего получившаяся форма может совпадать целиком с формой номинатива. Первый вопрос, возникающий при обращении к подобному материалу: есть ли вообще в нанайском языке дифференцированное маркирование объекта? Иначе говоря, нельзя ли считать, что то, что на поверхностном уровне выглядит как неоформленная основа в позиции прямого дополнения — это на самом деле полностью редуцированная форма аккузатива с опущением аффикса, а не та же падежная форма, что используется в субъектной позиции («номинатив»)? Видимо, в общем случае такой интерпретации

⁴ Основы этого типа оканчиваются на носовой гласный в абсолютном конце слова (в речи также встречаются фонетические варианты на неносовой гласный и на *-n*) и на соответствующий неносовой гласный + согласный *-n* в других позициях.

допустить все же нельзя: так, в объектной позиции встречаются употребления типа *mōkan* ‘палочка’, которые нельзя рассматривать как редукцию. Если бы это была форма аккузатива с опущенным показателем *-ba*, этот показатель, сам будучи опущен, давал бы конечный *-m*, а не *-n*, как в номинативе. В примере (22), где это слово употреблено перед глаголом на гласный, разница между звуками *-n* и *-m* видна совершенно отчетливо.

- (22) *naj* *ži-či* *mō-kan* *icə-xə*
человек приходит-PSГ дерево-DIM видеть-PSГ
‘Человек пришел, увидел палочку...’ (текст, Синда, 2011 г.)

Следовательно, в принципе как минимум какая-то часть прямых объектов действительно выражается неоформленной основой (формой номинатива). Этот факт, однако, не снимает практической проблемы различения фонетически редуцированного аккузатива и неоформленной основы. По всей видимости, отличить полную редукцию аккузативного показателя от употребления номинативной формы можно лишь в тех редких случаях, когда основа имени заканчивается на *-m* (редукция) или на *-n* (номинативная форма). В остальных случаях, которые составляют большинство (т. е. для основ на неносовой гласный и согласные, кроме *-n*), сделать это не представляется возможным. Поэтому полную редукцию мы вынуждены интерпретировать как неоформленную аккузативным показателем форму, а причины того, почему она оказалась неоформленной, оставлять за скобками. Это проблема интерпретации, а не техническая проблема атрибуции формы.

Обобщая сказанное, еще раз перечислим логические возможности для разных типов основ:

1) основы на гласный: возможен частично редуцированный аккузатив, технически не всегда различимый с номинативом; потенциально возможен полностью редуцированный аккузатив, неотличимый от номинатива;

2) основы на согласный: потенциально возможен полностью редуцированный аккузатив, неотличимый от номинатива, других возможностей редукции нет;

3) основы на носовой гласный или *-n*: возможен редуцированный аккузатив на *-m*, легко отличимый от номинатива, других возможностей редукции нет.

В следующих разделах речь пойдет о разграничении номинативной формы и формы с частично редуцированным аккуза-

тивным показателем и о возможных поправках в анализе, приводимом в разделе 2, связанных с действием фонетических факторов.

3.2. *Формы номинатива vs. аккузатива от основ на -a~ə*

Особенно остро проблема различения номинатива и частично редуцированного аккузатива стоит в случае (весьма многочисленных) основ на *-a~ə*. Так, например, для слова ‘рыба’ основа выглядит как *sogdata-*, полная форма аккузатива — как *sogdata-wa*; в случае редуцированного аккузатива можно ожидать формы *sogdataa* с двойным гласным или *sogdatā* с долгим гласным. Однако наличие долготы на конце слова с уверенностью диагностировать достаточно сложно.

Чтобы оценить долю ошибочной атрибуции форм на *-a~ə*, мы сравнили общую частотность основ с исходом на *-a~ə* в текстах и их частотность в форме аккузатива vs. номинатива (?) в позиции прямого дополнения. Если все употребления без выраженного показателя аккузатива — это действительно форма номинатива, то процент основ на *-a~ə* в форме аккузатива и в форме номинатива в позиции прямого дополнения не будет отличаться от среднего. Если значительная часть случаев использования неоформленной основы в позиции прямого дополнения — это на самом деле фонетически редуцированная форма аккузатива, то 1) среди употреблений с полной формой аккузатива основ на *-a~ə* должно оказаться меньше, 2) среди употреблений, идентифицированных как номинативные, наоборот, больше.

Доля основ с исходом на *-a~ə* во всех падежных формах составляет в текстах около половины (55 основ на *-a~ə* vs. 50 основ не на *-a~ə*, поиск по сплошному фрагменту текста). Аналогичное распределение наблюдается для полных форм аккузатива, для «номинатива» в позиции прямого объекта доля основ на *-a~ə* значимо выше, см. Таблицу 11:

Таблица 11. Аккузатив / номинатив в позиции прямого объекта: исход основы (малая выборка)

	на <i>-a~ə</i>	не на <i>-a~ə</i>	р, точный критерий Фишера
ACC	39	31	
NOM	56	20	значимо p=0,025

Эти данные можно интерпретировать следующим образом. Поскольку для полных форм аккузатива значимого понижения доли основ на *-a~-ə* не отмечается, можно надеяться, что число случаев ошибочной атрибуции не очень велико. Что касается повышения доли таких основ среди форм «номинатива», то можно видеть в нем действие фонетического фактора, состоящего в предрасположенности существительных на *-a~-ə* к выбору номинатива в позиции прямого объекта, а не результат ошибочной атрибуции форм аккузатива как форм номинатива. Хотя не исключено, что в реальности имеет место и описанный фонетический фактор, и ошибочно атрибутированные редуцированные формы.

В свете вышесказанного обратимся еще раз к данным по влиянию на выбор формы прямого объекта семантических факторов, рассмотренных в разделе 2. Прежде всего, следует отметить, что во всех случаях, обсуждавшихся в разделе 2, в число употреблений номинатива входили не только номинативы от существительных на *-a~-ə* (которые теоретически могли бы быть опознаны как номинатив ошибочно). Детальные данные по разным контекстам см. в Таблице 12.

Таблица 12. Номинатив (?) в позиции DO

	на <i>-a~-ə</i>	не на <i>-a~-ə</i>
неопр. <i>əm</i>	9	2
указат. <i>əj, təj</i>	21	11
частица = <i>tani</i>	6	6
частица = <i>da</i>	5	7
SVO	9	7

3.3. Основы на согласный и частотная асимметрия между единственным и множественным числом

Отдельного обсуждения в контексте фонетических проблем требует выявленное в разделе 2.2.3 резкое преобладание аккузатива для существительных, оформленных аффиксом множественного числа. Дело в том, что форма множественного числа всегда имеет исход на согласный (*-l*). А как было показано выше, для основ на согласный, в отличие от других типов основ, исключена возможность частичной редукции и, тем самым, ложной атрибуции частично редуцированных форм аккузатива как форм номинатива. Следовательно, обнаруженный эффект может объясняться

не только (не столько?) семантическими причинами, но и чисто фонетическими: можно предположить, что для форм единственного числа реальный процент аккузативных форм такой же, но он искусственно занижен за счет того, что часть форм аккузатива с частичной редукцией ошибочно принята за форму номинатива.

С другой стороны, для форм на мн. ч. *-sal* остается возможность полной редукции аккузативной формы, которую от номинатива отличить в принципе невозможно. Конечно, такая возможность наряду с частичной редукцией не исключена и для основ ед. ч., которые в большинстве оканчиваются на гласный, но как раз в силу того, что для основ на *-sal* полная редукция — это единственный доступный вариант редукции, можно ожидать, что он для них более характерен, чем для основ на гласный. Если это так, то случаи ложной атрибуции частичной редукции аккузатива ед. ч. должны уравниваться случаями полной редукции аккузатива мн. ч. Тогда наблюдаемая асимметрия имеет все же семантическую природу.

3.4. Слово на *wa-* в постпозиции к прямому объекту

Можно предположить, что на выбор падежной формы в позиции прямого объекта будет влиять фонетический состав следующего за ней слова. Если слово начинается на *wa-* или *wə-*, т. е. на слог, фонетически совпадающий с аффиксом аккузатива, то есть основания ожидать более активного использования номинатива: ср. *sogdata-wa wā-ri* > *sogdata wā-ri* ‘ловить рыбу’. Хотя другие аналогичные явления в нанайском языке, когда опускается одна из стоящих рядом морфем типа CV, нам неизвестны, подобная фонетически обусловленная тенденция опущения суффикса аккузатива описана для удэгейского языка, см. выше. В Таблице 13 представлены данные по употреблением аккузатива/номинатива перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’ (частотный переходный глагол на *wa-*):

Таблица 13. Аккузатив/номинатив перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
<i>wa-</i>	8	9	
не <i>wa-</i>	62	67	незначимо p=1

Вопреки ожиданиям, статистически значимого количественного преобладания номинатива перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’ не наблюдается. Заметим, однако, что перед *wā-* в форме аккузатива в выборке встретились только такие слова, которые имеют показатель, отличный от *-wa* — *-wə*, *-ba*, *-bə* (23), а в форме номинатива — в основном слова, у которых аккузатив образуется с помощью *-wa* (24), см. Таблицу 14. Следовательно, этот фактор на самом деле все же оказывается релевантным⁵.

Таблица 14. Вариант формы аккузатива перед глаголом *wā-* ‘убивать, ловить’

	ACC	NOM	p, точный критерий Фишера
<i>wa-</i>	0	8	
не <i>wa-</i>	8	1	значимо p<0,001

(23) *bajum-bə wā-x=tani n'əpultə-wə wā-re-i*
 зверь-ACC убить-PST=a мех-ACC убить-PRS-1OBL
 ‘убил зверя’ ‘я пушнину ловлю’

(24) *ət dawa wā-xa-ni*
 один кета убить-PST-3OBL
 ‘Поймал одну кету’.

⁵ При этом рассмотренных данных явно недостаточно для уверенных выводов. Во-первых, в случае глагола ‘убивать’ дополнительное влияние (в сторону увеличения числа употреблений номинатива) может оказывать референциальный статус объекта (см. выше о предрасположенности контекстов с этим глаголом (в значении ‘охотиться на (зверя), ловить (рыбу)’ к нереферентным объектам). Во-вторых, на примере этого глагола не до конца понятно, идет ли речь о фонетическом дублировании единицы объемом в слог или морфему (как кажется, скорее первое). Другие переходные глаголы на *wa-/wə-* в нанайском языке существуют (например, *wəʒele-* ‘портить’), однако соответствующих контекстов в рассмотренной нами выборке для них не нашлось. Также представляют интерес глаголы на *ba/-bə-*, которые могли бы влиять на наличие суффикса аккузатива в случае основ существительного на согласный (в этом случае суффикс аккузатива выглядит как *-ba/-bə*). Частотный глагол такого рода — *bā-* ‘находить’, однако данных для него тоже недостаточно, поскольку менее частотны, наоборот, существительные с исходом на согласный.

ср. сконструированное *dawa-wa wā-xa-ni*
кета-ACC убить-PST-3OBL

Таким образом, обобщая данные, рассмотренные в разделе 3, можно сказать, что корреляция с исходом основы есть, как и, по-видимому, с фонетическим началом следующего за прямым объектом слова. Тем не менее, как было показано выше в разделе 2, предполагаемое дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке вписывается в типологические ожидания относительно семантического распределения форм прямого объекта, поэтому можно уверенно полагать, что это все же действительно дифференцированное маркирование объекта, а не чисто морфологические процессы.

4. Обобщение данных

В сводной Таблице 15 представлены все факторы, потенциально влияющие на выбор между формами аккузатива и номинатива в позиции прямого объекта, рассмотренные в разделах 2–3. Такая характеристика, как фонетический исход основы, включена в таблицу в качестве одного из факторов, обуславливающих употребление номинатива/аккузатива, наравне с прочими (обсуждение правомочности такого решения см. в разделе 3 выше). Для оценки влияния факторов была использована количественная мера «отношения шансов» (odds ratio), вычисляемая как частное от деления «шансов» выбора номинатива на «шансы» выбора аккузатива⁶. Фактор, не оказывающий влияния, соответственно, дает значение OR=1, чем сильнее влияние фактора, тем больше значение OR отличается от 1. Поскольку среди рассмотренных факторов были и такие, которые склоняют к выбору номинатива, и такие, которые склоняют к выбору аккузатива, для наглядности в одном из столбцов приводится более симметричная мера $\log OR$, колеблющаяся вокруг нуля и дающая для факторов равной силы, но действующих в противоположные стороны, значения равные по модулю с разным знаком (в данном случае отрицательное значение у факторов, склоняющих к выбору аккузатива,

⁶ Дополнительное удобство этой меры состоит в том, что она позволяет легко сопоставить данные, полученные на разных выборках (что и имело место в данном случае).

положительное — у склоняющихся к выбору номинатива). Таблица упорядочена по $\log OR$: от факторов, располагающих к выбору аккузатива, к факторам, располагающим к выбору номинатива. В середине — факторы, не оказывающие влияния (выделены серым).

Таблица 15. Факторы, влияющие на DOM в нанайском языке: обобщение (Odds Ratio)

	ACC	NOM	OR (вокруг 1)	$\log OR$ (вокруг 0)	95% доверительный интервал (не должен пересекать 1)
ВСЕГО — малая выборка	83	91			
личные местоимения	всегда	никогда			
показатель мн. ч.			0.2387	-1.4327	0.1024–0.5565
не на <i>-sal</i> — малая выборка	71	85			
на <i>-sal</i> — большая выборка	28	8			
коммуникативный статус (топикальная частица =<i>tani</i>)			0.2594	-1.3493	0.1273–0.5286
с = <i>tani</i> — большая выборка	41	12			
без = <i>tani</i> — малая выборка	78	88			
фонетический фактор (исход основы)			0.4493	-0.8	0.2242–0.9003
на <i>-a~-ə</i> — малая выборка	39	56			
не на <i>-a~-ə</i> — малая выборка	31	20			
определенность (указ. мест.)			0.5444	-0.6081	0.3168–0.9353
с <i>əj, təj</i> — большая выборка	50	32			

Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке

без <i>əj, təj</i> — малая выборка	74	87			
эмфаза (=da)			0.784	-0.2434	ns, 0.3411–1.8019
с =da — большая выборка	14	12			
без =da — малая выборка	75	82			
коммуникатив- ный статус (постпозиция)			0.6250	-0.47	ns, 0.3083–1.2670
SVO — большая выборка	24	16			
не SVO — малая выборка	75	80			
неопределенность (местоимение)			2.5337	0.9297	ns, 0.7762– 8.271
с <i>əm</i> — большая выборка	4	11			
без <i>əm</i> — малая выборка	82	89			
нереферентность			4.7590	1.56	1.3267–17.0708
<i>sogdata</i> — большая выборка	3	15			
не <i>sogdata</i> — малая выборка	79	83			
рефлексив (‘свой X’)	никогда	всегда			

В (23) совокупность релевантных факторов представлена, в соответствии с количественной оценкой из Таблицы 15, в виде шкалы (на ее полюсах — параметры, предопределяющие обязательный выбор аккузатива/номинатива):

(23) ACC > NOM

личные местоимения > показатель мн.ч. > координативная энклитика (статус темы) > исход основы на *-a~-ə* (фонетический фактор) > контекст указательного местоимения (определенность) > нереферентность (пример конкретного сущ.) > рефлексивный показатель

Заметим в контексте дискуссии, приводимой в разделе 3, что фонетический фактор не оказывается резко выделенным по сравнению с семантическими.

5. Конкуренция номинатива / аккузатива и статус прямого объекта

Выше рассматривалась конкуренция форм аккузатива и номинатива в прототипических прямообъектных контекстах. Однако (маркированный) аккузатив в нанайском языке употребляется в том числе и в ряде контекстов, для которых вопрос о синтаксической роли требует дополнительных комментариев.

Во-первых, существует «серая зона» временных и пространственных употреблений аккузатива, про которые неочевидно, маркирует ли аккузатив прямой объект или сирконстант (ср. в русском *(про)бежать два километра*, *(про)спать всю ночь*), см. перечень употреблений аккузатива в [Аврорин 1959: 178–179].

Во-вторых, есть контексты, допускающие одновременное наличие двух именных групп, оформленных аккузативом или аккузативом и дестинативом. Для таких контекстов также встает вопрос, действительно ли при них допускается два прямых объекта (или один из аккузативов маркирует не прямой объект, а иную синтаксическую роль) и насколько эти объекты синтаксически «равноправны».

Интересно проверить, наблюдается ли дифференцированное маркирование в перечисленных контекстах, т. е. допустим ли наряду с аккузативом также и номинатив. И если номинатив употребляется, то можно ли считать это аргументом в пользу прямообъектного статуса таких позиций или аргументом в пользу того, что дифференцированное маркирование распространено за пределами объектных употреблений. Ср., например, подобное обсуждение применительно к употреблением генитива отрицания в русском языке типа *думал минуту — не думал ни минуты* в [Эршлер 2008].

Дополнительная трудность, возникающая при анализе нанайского материала, состоит в том, что в нанайском языке нет продуктивного пассива или каких-либо других явлений, которые могли бы служить убедительным тестом на статус прямого объекта. В связи с этим, вопрос о правомерности использования в

качестве такого теста возможность / невозможность дифференцированного маркирования и о том, дает ли этот тест интуитивно ожидаемые результаты, кажется достаточно актуальным. Он, однако, требует более детального исследования, ниже приведен лишь иллюстративный материал к постановке проблемы.

*5.1. Пространственные участники, оформляемые аккузативом, при глаголах перемещения:
вопрос о статусе прямого объекта*

К «серой зоне» околопрямообъектных употреблений относятся употребления аккузатива для выражения пространственных участников при глаголах перемещения. С точки зрения возможности дифференцированного маркирования по-разному ведут себя а) участник-конечный пункт при глаголе *ese-* ‘достигать, добираться’ и б) участник-путь при большинстве глаголов перемещения.

А) Участник-конечный пункт при глаголе *ese-* ‘достигать, добираться’.

Глагол *ese-* ‘добираться до, достигать’ допускает выражение участника с ролью Конечного пункта аккузативом, ср.:

- (25) *Kərdəŋgu dā-wa-ni ese-i-čī*
Кэрдэнгу устье-ACC-3OBL добраться-PRS-3PL
‘Доехали до устья реки Кэрдэнгу’ (тексты [Аврорин 1986: 230])

При этом та же роль может маркироваться и пространственными падежами / пространственным послелогом (т. е. глагол *ese-* как минимум лабильный, а не обычный переходный), ср.:

- (26) *mərgən=təni goj exon-dola ese-xa-n'*
мерген=же другой село-LOC добираться-PST-3OBL
‘Мэргэн дошел до другого селения’ (текст, Даерга, 2011 г.) — локатив

- (27) *əlā žog-čī ese-i-ni=goa*
скоро дом-DIR добираться-PRS-3OBL=PL
‘Скоро до дому дойдут!’ (текст, Найхин, 2012 г.) — директив

- (28) *gə pojka bāro-ni ese-xa-ni*
ну петля к-3OBL добираться-PST-3OBL
‘Ну, подошла к петле’. (текст, Даерга, 2012 г.) — послелог *bāro-(ni)*

Примеры на номинатив при глаголе *ese-* в текстах фиксируются, т. е. этот контекст допускает дифференцированное маркирование, так же, как и прототипические прямообъектные контексты:

- (29) *tawaŋkiä təj mǝrgǝn təj ǝn-iǝ ǝn-iǝ ǝn-iǝ*
 дальше тот мерген тот идти-PRS идти-PRS идти-PRS
ǝn-iǝ ǝnǝ-miǝ ǝm žo ese-xa-ni
 идти-PRS идти-CVB.SIM.OBL один дом добираться-PST-3OBL
 Потом тот мерген идет, идет, идет, идет, идет и добрался до
 одного дома. (текст, Даерга, 2009 г.) — номинатив

Б) Участник-путь при глаголах перемещения (‘идти по’).

Аккузатив также маркирует семантическую роль пути при основных глаголах перемещения (‘идти по X’). В этом контексте он конкурирует с локативным и дативным (= эссивным) падежами:

- (30) *təj mǝrgǝn təj ...xaj... ǝl’či=tǝn’i ǝnǝ-mi*
 тот мерген тот что слуга=a идти-CVB.SIM.OBL
ǝnǝ-mi duǝntǝ-wǝ ǝnǝ-mi
 идти-CVB.SIM.OBL лес-ACC идти-CVB.SIM.OBL
ǝnǝ-mi
 идти-CVB.SIM.OBL
 ‘Тот мерген, а тот слуга шел, шел, лесом шел-шел...’.
 (текст, Даерга, 2009 г.)

- (31) *pokto-la-si ži-ži-ni, simbi-ǝ*
 дорога-LOC-2OBL приходить-PRS-3OBL 2OBL.ACC-ACC
wǝ-go-j ta-j-ni
 убить-DEST-REFL.OBL делать-PRS-3OBL
 ‘По твоим следам (букв. по твоей дороге) идут (люди), хотят
 тебя убить!’ (текст, Кондон, 2011 г.) — локатив

- (32) *ǝnǝ-miǝ ǝnǝ-miǝ pokto-du*
 идти-CVB.SIM.OBL идти-CVB.SIM.OBL дорога-DAT
ǝniǝ-mi
 идти-CVB.SIM.OBL
 ‘...пошел-пошел, по дороге пошел..’. (текст, Даерга,
 2009 г.) — датив (= эссив)

В этом контексте, в отличие от предыдущего, номинатив при элицитации носителями не одобряется и в текстах не обнаружен:

- (33) *Arčokan pokto-la* /^{OK}*pokto-wa* / **pokto ənə-j-ni*
 девочка дорога-LOC / дорога-ACC / дорога идти-PRS-3OBL
 ‘Девочка идет по дороге’ (элицит.)

Таким образом, по тесту на дифференцированное маркирование контексты А) и Б) ведут себя по-разному: аккузатив при глаголе *ese-* маркирует прямой объект (и глагол в этом употреблении переходный); аккузатив при глаголах перемещения со значением пути маркирует не прямой объект, а сирконстант. Это вполне соответствует интуиции (ср. аналогичную интерпретацию этих случаев в [Аврорин 1948]) и согласуется с некоторыми независимыми фактами.

В пользу прямообъектной трактовки в А) дополнительно свидетельствует в целом выделенный статус *ese-* среди глаголов перемещения, в т. ч.: 1) возможность выражения конечного пункта в т. ч. локативным падежом (обычно только директивным), см. [Стойнова 2015]; 2) свободное присоединение показателя движения с целью *-nda* ‘пойти сделать’ (к другим глаголам перемещения он обычно не присоединяется, см. [Стойнова 2016]).

Против прямообъектной трактовки в Б) дополнительно говорит возможность аналогичных употреблений аккузатива со значением пути при глаголах каузации перемещения с выраженным «законным» прямым объектом (‘везти что-то (ACC.) по дороге (ACC.)’).

*5.2. Двойной аккузатив: вопрос о равнозначности /
 неравнозначности прямых объектов*

В этом разделе кратко обсуждаются контексты с двойным аккузативом / аккузативом и дестинативом.

А) Участник-каузируемый и исходный прямой объект при морфологическом каузативе

В каузативной конструкции с переходным глаголом, оформленным суффиксом каузатива, аккузативом оформляются исходный прямой объект и каузируемый. Оба участника могут быть выражены в т.ч. в одном предложении:

- (34) *N'oani pikta-wə kniga-wə tao-aŋ-ki-ni*
 он ребенок-ACC книга-ACC читать-CAUS-PST-3OBL
 ‘Он заставил ребенка читать книгу’ (элицит.)

Имеются некоторые свидетельства асимметрии между «внешней» позицией каузируемого и «внутренней» позицией исходного прямого объекта: в частности, исходный прямой объект линейно ближе к глаголу:

- (35) ^{???} *N'oani knigə-wə piktə-wə tao-aŋ-ki-ni*
 он книга-ACC ребенок-ACC читать-CAUS-PST-3OBL
 'Он заставил ребенка читать книгу' (элицит.)

В связи с этим, можно ожидать, что исходный прямой объект легче, чем участник-каузируемый, будет допускать номинативное оформление. Этот вопрос требует дальнейшего исследования. Отметим только, что оформление каузируемого номинативом в принципе возможно:

- (36) *tə əktə=təni sapse kera-do-a-ni*
 тот женщина=а берег берег-DAT-OBL-3OBL
ele-an-ži
 стоять-CAUS-PRS
 'Поставила эту женщину на берегу'. (текст, Найхин, 2012 г.)

Б) Конструкция с дестинативом.

Выше упоминалось, что объект переходного глагола, помимо аккумулятива, может оформляться также дестинативным падежом (с дополнительным значением 'действия в пользу субъекта'). Возможна и конструкция, содержащая и форму дестинатива, и форму аккумулятива. Ср., 'найти в жены (DEST) X-а (ACC)' в (37):

- (37) *tawaŋki=tani Tolgon-žiə=tani dāma mama-go-i*
 дальше=а Толгон-ABL2=а дед старуха-DEST-REFL.OBL
bā-xa-ni Najxe-ŋkam-ba
 находить-PST-3OBL Найхин-DMN-ACC
mama-go-i bā-xa-n'=goa
 старуха-DEST-REFL.OBL находить-PST-3OBL=PL
 'Потом из Толгона дед женился на найхинке' (текст, Найхин, 2009 г.)

Для таких употреблений, как и выше, возникает вопрос о синтаксической позиции, оформляемой аккумулятивом, и о том, возможно ли в ней дифференцированное маркирование. С одной стороны, можно предположить, что аккумулятивно-номинативный

объект занимает точно такую же синтаксическую позицию, что и в предложениях без дестинативного объекта, а дестинативный объект занимает другую синтаксическую позицию. В этом случае ожидается, что дифференцированное маркирование объекта будет проявляться таким же образом, как и в предложениях без дестинативного объекта. С другой стороны, можно допустить иную синтаксическую структуру, например такую, при которой оба объекта могут «расщепленно» занимать одну и ту же синтаксическую позицию прямого дополнения. При такой конфигурации наличие дестинативного объекта может влиять на поведение аккузативно-номинативного. В этом случае менее предсказуемо, каким образом проявится дифференцированное маркирование объекта и будет ли оно иметь место вообще. В нашей выборке номинатив на месте аккузатива в предложениях с дестинативом встречается, причем с одинаковой частотой (3 примера на аккузатив, 3 на номинатив):

- (38) *ʒuər əm xusə əm əktə bā-xa-n'*
 два один муж один женщина находить-PST-3OBL
pikta-gu-j əj tigər
 ребенок-DEST-REFL.OBL этот тигр
 'Двух детей: мальчика и девочку, — родил этот тигр'.
 (текст, Троицкое, 2011 г.)

Очевидно, примеров слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы. Эта проблема требует дальнейшего изучения.

В) Глаголы с «лексическим» двойным аккузативом.

Наконец, существует несколько глаголов, управляющих двумя аккузативами, которые выражают две разных семантических роли. Таков глагол *tačeo(či)*- 'учить' (кого-то (ACC) чему-то (ACC)). На нашей небольшой выборке для этого глагола наблюдается следующая тенденция: при выражении обоих объектов в одной клаузе участник-обучаемый (*кого?*) оформляется номинативом, а участник-предмет обучения (*чему?*) аккузативом, ср.:

- (39) *mii nūči gurun-səl tačeo-če-xam-bi*
 1OBL маленький люди-PL учить-IPFV-PST-1OBL
matematika-wa
 математика-ACC

'Я учил детей ... математике...' (текст, Найхин, 2009 г.)

В выборке 4 примера с двумя объектами при глаголе *taʃeo-*, все именно с таким распределением⁷.

6. Заключение

Перечислим еще раз семантические факторы, регулирующие дифференцированное маркирование прямого объекта в нанайском языке. Это факторы, связанные с характеристиками объекта (а не, например, соответствующего переходного глагола), а именно со степенью его индивидуализации, или положением на «шкале одушевленности». Как показало описанное выше исследование, не оказывают влияния на выбор стратегии оформления такие факторы, как одушевленность и личность. Релевантными же оказываются: референциальный статус (определенность, возможно нереферентность) и коммуникативный статус (топикальность). Таким образом, перед нами система, ориентированная скорее на контекстный статус объекта, нежели на его постоянные свойства.

Отдельный интерес представляет выявленная в ходе исследования корреляция маркированного падежа (аккузатива) с маркированным числом (множественным). Она может быть актуальна в контексте проблематики т.н. *markedness reversal* (см. [Comrie 1989]; [Aissen 2003] и др.) и теоретического вопроса о функции дифференцированного маркирования. Вопрос состоит в том, используется ли маркированная форма для того, чтобы сигнализировать непосредственно о нестандартных семантических свойствах объекта, или для того, чтобы (в случае, когда эти свойства необычны для объекта и обычны для субъекта) обеспечить различимость объекта и субъекта (*indexing vs. differentiating function*), см., например, [Malchukov 2008] о потенциальной возможности реализации обеих функций. Маркирование числом точно связано непосредственно с характеристиками аргумента, а не с противопоставлением объекта субъекту. Можно предположить, что отчетливая корреляция свидетельствует о том, что и

⁷ На первый взгляд, такое распределение кажется странным: оформления аккузативом естественнее было бы ожидать для одушевленного участника-обучаемого, чем для неодушевленного и обычно нереферентного участника — предмета обучения. Впрочем, рассмотренных данных слишком мало, чтобы давать им какое бы то ни было теоретическое объяснение.

маркирование падежом устроено так же (indexing, а не differentiating), хотя возможность того, что к одному и тому же результату приводят разные «мотивации», также не исключена.

В целом система дифференцированного маркирования, представленная в нанайском языке, вполне вписывается в типологические ожидания. Из отдельных нетривиальных мест можно упомянуть использование немаркированной формы в контексте показателя рефлексива (задающего объект с высокой степенью «индивидуализации»). Этому факту, хоть он и выбивается из типологических ожиданий, есть достаточно простые конкретные языковые объяснения: диахроническое (показатель аккузатива на этимологическом уровне входит в состав показателя рефлексива), а также функциональное (принцип экономии).

На фоне других тунгусо-маньчжурских языков нанайский язык с точки зрения устройства системы дифференцированного маркирования устроен достаточно похоже на близкородственный ему удэгейский (южные тунгусо-маньчжурские) и резко отличается от северных тунгусо-маньчжурских (эвенского, эвенкийского и др.).

Что касается диахронического развития системы дифференцированного маркирования, то приведенный в работе материал современных текстов не подтверждает предсказание В. А. Аврорина (сделанное в середине XX века) о постепенной утрате дифференцированного маркирования в нанайском языке.

Идея провести описанное в статье исследование возникла скорее в контексте документации конкретного языка, чем в контексте типологии и теории дифференцированного маркирования актантов. Поэтому его результатом нам виделся в большей степени методологический опыт, который может быть интересен при исследовании других языков с похожими описательными проблемами, чем собственно вклад в изучение проблематики дифференцированного маркирования актантов. Факты, известные из теории дифференцированного маркирования, были использованы в исследовании для решения двух частных дескриптивных задач.

Во-первых, в свете теоретических сведений о дифференцированном маркировании актантов была рассмотрена и отчасти решена проблема разграничения фонетически редуцированных форм аккузатива и форм номинатива (неоформленной основы) в позиции прямого объекта. Проверка типологически ожидаемых

семантических факторов, способных регулировать дифференцированное маркирование, а) показывает, что наблюдаемые данные действительно отражают подлинное дифференцированное маркирование прямого объекта и не сводимы к чисто морфонологическим процессам; б) позволяет оценить надежность интерпретации текстового материала (атрибуции форм прямого объекта как номинатива/аккузатива).

Во-вторых, дифференцированное маркирование было рассмотрено как возможный тест на прямообъектный статус, что достаточно актуально для нанайского языка в отсутствие пассивизации, объектного согласования и других более очевидных тестов.

Сокращения

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; COT — житель; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DIR — директив; DMN — катойконим (житель местности); DO — прямое дополнение; EMPH — эмфаза; IMPS — имперсонал; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LIM — ограничительная частица; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PART — частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Аврорин 1948 — В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка. Прямое дополнение. Л.: Учпедгиз, 1948. [V. A. Avrorin. Ocherki po sintaksisu nanaiskogo iazyka. Priamoe dopolnenie [Essays on Nanai syntax. Direct object]. L.: Uchpedgiz, 1948]
- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1959. [V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo iazyka [A grammar of Nanai]. Vol. 1. M. — L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959]
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1961. [V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo iazyka [A grammar of Nanai]. Vol. 2. M. — L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961]
- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [V. A. Avrorin. Materialy po nanaiskomu iazyku i fol'kloru [Materials on the Nanai language and folklore]. L.: Nauka, 1986]

- Болдырев 2007 — Б. В. Болдырев. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. [B. V. Boldyrev. Morfologija evenkiiskogo iazyka [The morphology of Evenki]. Novosibirsk: Nauka, 2007]
- Колесникова 1966 — В. Д. Колесникова. Синтаксис эвенкийского языка. М. — Л.: Наука, 1966. [V. D. Kolesnikova. Sintaksis evenkiiskogo iazyka [The syntax of Evenki]. M. — L.: Nauka, 1966]
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М. — Л.: Наука, 1964. [O. A. Konstantinova. Evenkiiskii iazyk [The Evenki language]. M. — L.: Nauka, 1964]
- Стойнова 2015 — Н. М. Стойнова. Эссив, латив и пролатив: «локативный» падеж в нанайском языке // Урало-алтайские исследования 4, 2015. С. 59–80. [N. M. Stoinova. Essiv, lativ i prolativ: «lokativnyi» padezh v nanaiskom iazyke [Essive, lative and prolativ: the “locative” case in Nanai] // Uralo-altaiskie issledovaniia 4, 2015. P. 59–80]
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания 4, 2016. С. 86–111. [N. M. Stoinova. Pokazатели «dvizheniia s tsel'iu» i sobytiinaia struktura: suffiks -nda v nanaiskom iazyke [Markers of “motion-cum-purpose” and event structure: -nda suffix in Nanai] // Voprosy iazykoznanii 4, 2016. P. 86–111]
- Суник 1982 — О. П. Суник. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982. [O. P. Sunik. Sushchestvitel'noe v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [The noun in Tungusic]. L.: Nauka, 1982]
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. [V. I. TSintsius. Negidal'skii iazyk. Issledovaniya i materialy [The Negidal language. Studies and materials]. L.: Nauka, 1982]
- Эршлер 2008 — Д. А. Эршлер. Обстоятельственные именные группы в генитиве при отрицании // Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, А. Б. Летучий (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел, 2008. [D. A. Ershler. Obstoyatel'svennyye imennyye gruppy v genitive pri otritsanii [Adjunct genitive of negation phrases] // E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, A. B. Letuchii (eds.). Ob"ektnyi genitiv pri otritsanii v russkom iazyke. M.: Probel, 2008]
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking: iconicity vs. economy // Natural Language & Linguistic Theory 21 (3), 2003. P. 435–483.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. Evenki [Languages of the world/Materials 141]. München: Lincom Europa, 1999.

- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- de Hoop, Malchukov 2007 — H. de Hoop, A. Malchukov. On fluid differential case marking: A bidirectional OT approach // *Lingua* 117 (9), 2007. P. 1636–1656.
- Farkas 1978 — D. Farkas. Direct and Indirect Object Reduplication in Romanian // *Papers from the Fourteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1978. P. 88–97.
- Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology for additive markers // *Lingua* 180, 2016. P. 69–100.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 1980. P. 251–299.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking: Evidence from Romance and beyond // *Studies in Language* 34 (2), 2010. P. 239–272.
- Malchukov, de Swart 2009 — A. Malchukov, P. de Swart. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 2009. P. 290–303.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Animacy and Asymmetries in Differential Case Marking // *Lingua* 118 (2), 2008. P. 203–221.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *A Grammar of Udihe* [Mouton Grammar Library 22]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages* [Linguistic Series 22]. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications, 1976. P. 112–171.